

Счастье чувствовать себя своим и нужным

Вряд ли два-три десятилетия назад можно было услышать от Рудольфа Рихардовича КЕРЕРА — преуспевающего пианиста, профессора консерватории — такие слова, по первому ощущению радостные, а если вдуматься — горькие.

Он не мог чувствовать себя чужим, ненужным, потому что активная концертная деятельность “накатилась” внезапно, развернулась быстро и бурно. И педагогические успехи заметили, оценили, профессорское звание присвоили по сравнению с другими “легко”. Так что поводов для размышлений “свой — не свой”, “нужен — не нужен” и не возникало. Без малого 30 лет служения в Московской консерватории — чего-нибудь да значит!

А потом — крутой поворот судьбы, как всегда в его жизни. Мы встретились с ним после того, как он уже более восьми лет профессорствовал в Венской высшей музыкальной школе, а в Россию лишь изредка наезжал с концертами.

— У меня в силу “особых обстоятельств” собственное летосчисление: “московская эра”, до победы на конкурсе в 1961 году и после, когда началась совсем другая жизнь. Вы ведь знаете, как сложилась моя судьба? Родился в Тбилиси, в семье музыкальных дел мастера. В шесть лет начал учиться игре на фортепиано у лучших педагогов города. А когда мне исполнилось двенадцать, как раз вышло решение правительства набрать при пяти самых крупных консерваториях — Московской, Ленинградской, Тбилисской, Одесской и Киевской — группы особо одаренных детей. Я оказался в группе тбилисских “вундеркиндов”, а уже через год — и в самой консерватории. Учился успешно и даже много выступал. Все рухнуло в 41-м году. 18 октября (на всю жизнь запомнил эту дату!) меня с братом и матерью сослали в Казахстан, поселок Пахтарал. За “тяжкое преступление” — за то, что мы были немцы. В ссылке нас прдержали 13 лет. О занятиях музыкой пришлось забыть, но надо было что-то делать, и я поступил на заочное физико-математическое отделение Чимкентского педагогического института. Распорядок жизни ссыльных был очень строг: каждую неделю мы были обязаны являться в милицию отмечаться. Но раз в год мне разрешали уехать из поселка, чтобы я смог сдать экзамены. Так я получил диплом учителя математики и стал преподавать в местной школе. Лишь спустя год после смерти “отца народов”, в 54-м, немцам разрешили жить в больших городах (но нельзя было возвращаться на прежнее место жительства). Мы поселились в Ташкенте. И меня снова не удержимо потянуло к музыке. Решил испытать судьбу и попробовал поступить в консерваторию. Приняли, даже сразу на третий курс. Я попал к замечательным педагогам — профессору Зельме Тармакиной и ее супругу Виссаррону Сломону. Будь мне сейчас 17 лет, обязательно пошел бы учиться именно к ним. Через три года окончил консерваторию, а еще через пару лет сам стал педагогом консерватории по классу специального фортепиано. Преподавал, понемногу концертировал в Ташкенте, в близлежащих городах. В 1961 году

должен был проводиться очередной Всесоюзный конкурс молодых исполнителей. Ужасно захотелось попробовать, хотя к молодым исполнителям я себя уже причислить не мог: мне было почти 38, а возрастной предел для конкурсантов — 32 года. Но... отважился.

— Я очень хорошо помню эту эпопею. Мы в редакции чуть ли не пари держали: разрешат — не разрешат. А когда разрешили, отнеслись к этому скептически: куда уж конкурсанту в возрасте состязаться с молодыми талантами, к примеру, учеником последнего класса ЦМШ, 17-летним Валерием Камышовым, которому прочили блестящее будущее, о каких успехах мечтать?

— Да я ведь ехал не за званиями и наградами. Провожая меня, мама говорила: “Не волнуйся. Ты должен радоваться, что будешь играть в Москве, в хорошем зале, на хорошем инструменте, тебя будут слушать профессора — уже это счастье”. И я был с ней полностью согласен. Играл, как чувствовал, просто. Очевидно, это и понравилось. Меня пропустили на второй тур. Потом и на третий, чего я никак не ожидал. А уж о финале и говорить не приходится. Первая премия. Как гром среди ясного неба!

— По-моему, никогда еще не бывало, чтобы конкурсант набрал максимальную сумму баллов во всех турах. Ваши 50 из 50 возможных сразу стали сенсацией. Яков Зак и Нина Емельянова, председатели жюри того конкурса, писали и говорили, что взошла новая звезда — пианист зрелый и мудрый.

— Но и счастье мое тоже дорогого стоило: ведь победа на конкурсе перевернула всю мою жизнь. Сразу же после оглашения результатов ко мне подошел ректор Московской консерватории Александр Васильевич Свешников. Разговор был самый короткий: “Хотите работать у нас?” — “Конечно, хочу!” — “Вот с 1 сентября и начнете”. А еще через два дня меня зачислили солистом в Московскую филармонию. Вот что принес мне конкурс.

— А как вы вообще относитесь к конкурсам?

— По-моему, они активно превращают искусство в спорт. Даже тер-

Фото Э. ЛЕВИНА

минология бытует спортивная. Конечно, без конкурсов молодым артистам не пробить себе дорогу на концертную эстраду, но, с другой стороны, конкурсы подчас губят истинные дарования. И прежде всего виной тому бессовестные действия многих членов жюри, озбоченных прежде всего тем, чтобы протолкнуть “своих”. Они не думают о том, что ломают судьбы молодых, что талантливые музыканты, видя творящуюся несправедливость, теряют веру в себя.

Последний Конкурс Чайковского — в разделе “фортепиано” — тоже не стал исключением из этого печального правила.

— Есть исполнители, которые прочно ассоциируются с именами одного-двух композиторов. Вас когда-то “приписывали” к Прокофьеву, потом — к Бетховену, хотя ваш репертуар всегда был достаточно обширен. А сейчас есть ли у вас какие-то предпочтения?

— Действительно, некоторые музыканты концентрируют свое внимание на произведениях очень ограниченного круга авторов. К примеру, Гленн Гульд великолепно, неподражаемо играет Баха и, на мой взгляд, плохо исполняет Брамса. Многие считают, что ему следует целиком посвятить себя Баху — это может стать эталоном прочтения наследия композитора.

На мой взгляд, хороший музыкант должен играть все. Пусть что-то получается лучше, что-то хуже. Ведь не спрашивают же у человека, отдаст он предпочтение хлебу, воде, соли или воздуху, — все нужно. Когда я играю Шопена, мне кажется, что он самый лучший, самый романтический. Когда играю Шумана, думаю — нет, Шуман, он проникно-

веннее. Играю героического Бетховена — и пальму первенства отдаю ему. То, что исполняешь в данную минуту, и кажется самым любимым, дорогим.

— Рудольф Рихардович, что за история произошла у вас с Московской консерваторией? Почему вы покинули ее, после того как проработали 29 лет?

— Летом 90-го года я получил приглашение из Вены поработать год по контракту и написал заявление в наш ректорат с просьбой отпустить меня в творческую командировку. В Вене я, судя по всему, пришел ко двору, так что на следующий год вся процедура повторилась. Еще через год повторилась снова. Такая же история была у Дмитрия Башкирова, отправившегося в Испанию. В 94-м нас обоих освободили от профессорских обязанностей в Московской консерватории. Башкиров по этому поводу поскандалил, а я ушел тихо. Ученики в Вене у меня были разные — способные и очень способные. А вообще на Западе учиться гораздо сложнее, чем в России. Сейчас, конечно, условия здесь значительно ухудшились, но ведь еще лет десять назад все инородные студенты имели общежитие, все, за исключением самых бесталанных и лодырей, получали стипендии, о куске хлеба не думали. В Европе же стипендию получает один из десяти, так что многие — или на обеспечении родных, или дают частные уроки, а то и сиделками, уборщицами работают: кто как устроится. Конечно, мне очень горько, что сейчас в России такие экономические трудности и учиться студентам крайне тяжело. Однако я надеюсь и верю, что подобное положение рано или поздно изменится, насту-

пит перелом и все придет в норму. И снова, как прежде, наша фортепианная школа прогремит на весь мир. Учить хорошо у нас всегда умели.

— Может быть, и вы тогда вернетесь? Вы ведь еще не ощущаете себя иностранцем — я обратила внимание, что в отличие от многих своих коллег в ваших концертных афишах не проставлена страна, где вы обитаете.

Из Москвы Рудольф Керер отправился в Петербург, где тоже дал два концерта. Потом мы еще раз коротко побеседовали по телефону. “Я очень доволен этой поездкой”, — сказал Рудольф Рихардович, — петербуржцы принимали горячо. Зал был переполнен. Пришло много друзей, коллег, публика долго аплодировала. И я испытал счастье, почувствовал себя своим и нужным...”

За последний год судьба снова распорядилась по-своему: в силу “особых обстоятельств” — строгий ценз в Австрии на профессорский возраст, а Рудольф Керер его превысил, пришлось оставить Венскую консерваторию, переехать на жительство в Германию (в маленький городок под Кельном), а продолжать свои профессорские уроки в Цюрихе, где у него немало учеников. Кроме того, он ведет в разных городах Европы мастер-классы (между прочим в сентябре запланированы в Вене такие занятия для учащихся из Японии). Хочется верить, что в недалеком будущем дальние пути-дороги приведут российского музыканта, всегда своего и нужного, на Родину.

Беседу вела
Мариям ИГНАТЬЕВА